

Литературно-краеведческая газета
Нерехтская
Лира

№ 4-5 (31-32)
Апрель-май
2015

70-летию Великой Победы посвящаем...

Фото В.Васильева

Семьдесят лет отделяют нас от того дня, когда прогремел салют Победы. Но годы войны оставили глубокий след в сознании и памяти народа, показавшего примеры мужества и массового героизма. «Лировцы» посвящают своё творчество всем участникам боевых сражений и тем, кто в тылу приближал Победу над врагом.

Двадцать лет назад наш первый руководитель ЛИТО «Лира», защитник Ленинграда, Почётный гражданин Нерехты, краевед **Игорь Георгиевич Большаков** написал стихотворения.

Святое Девятое Мая

Сквозь пекло зловещей и длинной войны
Без устали, страха не зная,
Прошли мы, солдаты великой страны,
К святому Девятыму Мая!

Был год сорок пятый. Победный салют.
И светлая радость людская.
Солдат возвратило в семейный уют
Святое Девятое Мая!

Полсотни спокойных и радостных лет
Счастливую жизнь созидая,
Мы помним, что мир утверждён на земле
Победой Девятого Мая!

Опять не сплю, опять листаю
Я книгу жизни фронтовой.
И по числу страниц считаю
Я раны сердца моего.

И спали под одной шинелью,
И брились бритвою одной,
И жили все единой целью –
Скорей покончить бы с войной!

Потери, горькие утраты
И надмогильные холмы...
Тогда мы были все солдаты,
А кем сегодня стали мы?

И был живым салют Победы,
И списки павших на войне...
Но стали старыми все деды,
А внуки непонятны мне.

Тогда делили пайку хлеба,
Табак и воду – всё на всех:
И продырявленное небо,
Тоску и горе, плач и смех.

И вот не сплю и всё листаю
Я книгу жизни фронтовой...
А за окном уже светает,
И ночь шатёр снимает свой.

Ничто не забыто, никто не забыт!
Живёт эта клятва святая.
Весь мир благодарный торжественно чтит
Победу Девятого Мая!

**Виктор Воронов,
ветеран Великой
Отечественной войны**

**С Ленинградом
в сердце
к 70-летию Победы**

Приближается 70-летие нашей Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В минувшем 2014 году исполнилось 70 лет, как завершилась Ленинградская битва. Она была самой длительной в ходе войны с фашистской Германией, с июля 1941 года продолжалась до августа 1944 года. И по оценкам военных историков и экспертов стала одной из самых изнурительных битв второй мировой войны.

Но все эти оценки и заключения превзошёл героизм защитников Ленинграда – символа и гордости советского народа. Планы Гитлера уничтожить Ленинград потерпели крах. Уничтожено свыше 700 тысяч солдат и офицеров немецкой армии с несчётым количеством техники всех видов. За совершённые подвиги в этой битве 350 тысяч воинов Ленинградского фронта награждены орденами и медалями, 226 человек удостоены звания Героя Советского Союза. На рубежах тех героических сражений воздвигнуты памятники. Особо почитаем священный мемориал Пискаревского кладбища, где захоронены 470 тысяч участников обороны Ленинграда и жертв блокады, длившейся 900 дней и ночей, ликвидированной войсками Красной Армии и Балтийским флотом 27 января 1944 года.

* * *

Наш отряд моряков-новобранцев прибыл в Ленинград из Кронштадта в начале января 1945 года. Одеты по всей полагающейся на флоте зимней форме: чёрная шинель, цигейковая шапка-ушанка, ну и прочее. Отнюдь не бу, хотя войне пошёл уже четвёртый год. За плечами автомат с противогазом, походный вещмешок. Марш-бросок расстоянием 29 километров по льду Финского залива. Ноги изрядно потяжелели. Да и плечи дают о себе знать. Но шаг держим. И с любопытством осматриваемся вокруг: какой он, Ленинград, выстоявший 900 дней и ночей, под неудержимым вражеским напором.

У набережной Васильевского острова линкор «Октябрьская революция». Слышали о нём ещё в Кронштадте. Дальнобойные орудия линкора здорово помогали. Снаряды, едва не в полтонны каждый, давали жару наступающему противнику, громили передовые позиции. Неподалёку крейсеры «Киров» и «Максим Горький». Оба построены перед войной. Артиллерия у них тоже сильная. А скорострельные зенитки-автоматы просто класс. Достают фашистские самолёты любого типа. Позавидовали мы нерехтским Николаю Мутовкину и Алексею Гузанову, призванным на флот годом раньше. После учёбы их сразу определили на эти корабли, на смену уходившим на берег, в ударные бригады морской пехоты, слава о которых шла широко...

Шагаем, а мальчишечье сознание будоражат и будоражат ещё свежие следы войны. Вот на передней стене полуразрушенного здания надпись крупными буквами: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» У многих домов в окнах фанера вместо стёкол, выбитых то ли при бомбёзках, то ли при обстрелах, места-ми воронки на трамвайных линиях.

Кронштадт, конечно, пострадал куда меньше. Хотя по замыслу его основателя Петра Первого построен на острове Котлищ именно для обороны Северной столицы на морских рубежах. Неслучайно в августе 1941 года крейсер «Киров» с командующим Балтфлота вице-адмиралом Трибуцем на борту, преодолев огневую завесу, пробился из Таллина в Кронштадт и привёл за собой всю эскадру на защиту Ленинграда.

В Кронштадте и теперь по приказу Главкома ВМФ Кузнецова корабли стояли наготове. У выхода в Финский залив укрыт линкор «Петропавловск», грозный собрат «Октябрьской революции». Как нам хотелось служить на этом корабле, не пропустившем к Ленинграду даже торпедный катер немцев, самое малое и быстроходное судёнышко.

Но поступил приказ: «Направить роту матросов из состава флотского экипажа для несения службы в Ленинграде. И вот – шагаем, стараемся держать ногу. По команде главстаршины, сопровождающего нас от самого Кронштадта, рязанский Костя Тиняев, штатный запевала с самого начала нашей службы, берёт звонкоголосо:

Балтицы вперёд на заклятых врагов!

Ему вторит баском вологодский Саша Филиппов:

Вперёд, боевые ребята!

И уже вся колонна дружно подхватывает:

Покажем, что значит удар моряков,

Покажем, что мы из Кронштадта!

Какую-то неведомую силу придавали эти слова, как слова Присяги. И мы готовы были прямо сейчас идти в бой... Кажется, что «Медный всадник» мимо которого как раз проходим, вздыбил своего могучего коня. А рядом Зимний. Без команды поворачиваем головы в его сторону. Со школьных лет знаем, что в 1917 году по сигнальному выстрелу крейсера «Аврора» шли здесь на штурм отряды рабочих, солдат и матросов...

* * *

Ленинград пока немноголюден. Может быть, сказывается рождественский мороз. Он пощипывает нос, и чувствуется даже под новой шинелью. Но будто теплее становится, когда прохожие, больше женщины, приветливо улыбаются, помахивают рукой. Видно не зря в кронштадтском экипаже говорили, что ленинградцы – народ особенный. Вглядываясь в лица, добрые и усталые. Так и хочется сделать для них, столько переживших, что-то хорошее. Кто-то из ребят с правого фланга выкрикнул от всей души: «Идём вам на подмогу, ленинградцы!» Главстаршина промолчал, не сделал обычного замечания: «Разговорчики в строю!»

Разместили нас в здании бывшего когда-то института благородных девиц, на самом берегу Невы. Шуток на этот счёт пошло, хоть отбавляй. Истинно же благородными оказались современные ленинградки...

Наша задача была охранять Ленинград. Война-то продолжалась. Посменно, зачастую «шесть по шесть», как вошло в обиход, патрулировали улицы города. Стояли на

посту у объектов оборонного значения. Иной раз, несмотря на мороз надевали вместо валенок, которые всегда были в «караулках», ботинки. Вдруг девчонки где-то рядом окажутся... Но надевать валенки всё-таки приходилось. Их нам приносили чьи-то матери, сёстры, жёны. В такие минуты вспоминалась мать, которая «болела» за меня где-то в костромской деревне. И хотелось обнять всех вместе. Их, столько переживших ленинградских женщин, и наших, далёких отсюда, матерей, тоже не жалевших сил для Победы, порой недоедая и недосыпая.

Прижились в Ленинграде быстро. Прямо сказать – стали своими. В часы, свободные от вахты помогали ленинградцам чем только могли, кто что умел. После такой разрухи город требовал рук. Брались за лопаты, топоры. Мы, деревенские, больше занимались заготовкой дров в ближнем лесу. Многие дома ещё обогревались железными печками «буржуйками». Моряки делились с близко знакомыми своей пайкой сахара. Хорошо, что была она довольно справной, рассчитанной на наш растущий организм. Действительно, было-то нам всего по восемнадцать. Дяде Васе, сторожу церкви, находившейся поблизости, некурящие отдавали махорку. А он нет-нет да и принесёт в воскресенье кагору. Скажет: «Для здоровья, ребятушки». Может и помогало. Во всяком случае, болели редко, разве что почихаем малость, не ложась в санчасть...

23 февраля отмечали День Красной Армии и Военно-морского флота. Первый раз за время нашей ещё короткой службы. И надо понимать, как себя чувствовали. С самой побудки принялись утюжить клёши, драить медные пуговицы на шинели, бляху, чтобы всё сверкало. Салютовали корабли и пушка Петропавловской крепости. Наше подразделение участвовало в торжественном марше. На Невском проспекте, где проходили колонны, многолюдно. Праздничное настроение повышают сводки Совинформбюро в громкоговорителях. Войска Красной Армии и соединения Балтийского флота штурмуют Восточную Пруссию с её крепостью Кёнигсберг, считавшейся неприступной. Был известен личный приказ Гитлера: «Умереть, но не сдавать!» И вот наши у Кёнигсберга. Оттуда прямая дорога на Берлин...

С тротуаров выкрикивают в радостном порыве: «Скорей к Победе!»

И нам так хочется совершить что-то большое, нужное Ленинграду, всем этим людям, ставшим родными для нас.

* * *

День Победы встретили в Ленинграде. Ранним утром 9 мая, ещё далеко до побудки, с улицы послышалась стрельба. Всех мигом снесло с коеч и – к автоматам... Но снизу из рупора громкоговорителя донеслось: «Ура! Победа! Победа! Победа!»

Невыразимая радость. Мы обнимались, даже подпрыгивали, как пацаны. Казалось, радовалась сама природа. День вставал солнечный и тёплый, на редкость при здешней морской погоде.

Одетые в летнюю парадную форму, на бескозырках с лентой «Краснознамённый Балтийский флот» белые, как снег, чехлы, выстроились на плацу. Поздравляет лично комендант нашей службы капитан второго ранга Ермолин. Благодарит за бдительную охрану ленинградских рубежей. Во весь голос выкрикивает: «Служим Советскому Союзу!». Всем разрешается увольнение в город. Ленинград ликовал. По набережной лейтенанта Шмидта – танцы под духовой оркестр, уже знакомого нам своими боевыми заслугами линкора «Октябрьская революция». Кружат в вальсе и нас не ахти каких танцов, счастливые и такие красивые ленинградские девушки. Прощались, когда всходило солнце, уже нового мирного дня... И надеялись встретиться. Увы, встреча не состоялась. В тот же день пришёл приказ: направить нашу кронштадтскую группу в Германию.

Там в 1946 году мы получали медаль «За Победу». И пришлось из-за непростых отношений с американскими союзниками задержаться на пять долгих лет где-то на острове Зюген. Но с нами всегда был Ленинград.

И сегодня всякий раз берёт за душу, слышу ли по радио или по телевидению песню «Наш город». Вот те захватывающие слова:

Нам всё помнится в ночи зимние
Над Россиею, над родимой стороной,
Весь израненный, в снежном инее,
Гордо высился город мой...

Таким, действительно, мы увидели Ленинград в январе 1945 года, когда пришли туда из Кронштадта. Но видели и ликующий Ленинград. 9 мая 1945 года. Самый счастливый день в нашей жизни

Над Россиею небо синее,
Небо синее над Невой.
В целом мире нет, нет красивее
Ленинграда моего!

Авторы этой прекрасной песни А.Фатьянов и В.Соловьев – Седой

(На снимке: В победенной Германии 1946 год.)

Третий слева стоит краснофлотец Виктор Воронов.)

Павел Константинович

Булычев

(1927 - 2002 гг.)

был членом Нерехтского литературного объединения. В автобиографии он написал: «*Дети военных лет. Это и обо мне. В 12*

лет прервана учёба в школе. Непосильный труд, голод, холод. Конец войне. Возобновлена учёба.

Закончена семилетка. Учёба в техникуме. Служба на флоте. Балтика. Северный флот, Беломорская флотилия. Любовь к поэзии привила учительница Ольга Геннадьевна Николаева...». Кортые фразы, только раз пережитое прорвалось в слове «непосильный...».

Павел Константинович успел при жизни издать только одну свою книгу «*В часы досуга*» (1999

год). Книга, изданная в нерехтской типографии, открывается признанием автора:

«*Ищу крылатых фраз и слов.*

Стараюсь с Лирой жить в союзе.

Зову Надежду и Любовь

Светить моей смиренной Музе»

В книгу вошли стихи и проза. Перечитывая её, узнаешь автора, как человека способного в поэтической строке передать свою любовь, волнения, смысле жизни.

Познакомьтесь с отрывками из поэмы П.К.Булычева «*Памяти отца*», которую он посвятил своей сестре Вере Константиновне.

«*В волнении помыслов высоких
Вспоминанья лет далёких.
С печальной думой на лице
Прочти, сестра родная, строки,
Где память сердца об отце».*

Глава 1

Мой отец погиб под Кёнигсбергом
В сорок пятом памятном году.
И о нём, России сыне верном,
Сын его, я память берегу

Свято, постоянно. Я живая
Часть его и тела, и души.
Об отце вседневно вспоминая,
С ним советуюсь один в тиши

Долгой и бессонной поздней ночью,
Днём, в текучке ежечастных дел,
В чём завет я смог исполнить отчий
И о том, что сделать не успел.

В сорок первом, в грозную годину,
Призван был на фронт и наш отец.
Той поры привычную картину
Року вверил рядовой боец

Красной Армии. В семье нас было
Малолетних шестеро детей.
Мать в слезах у Господа молила,
Чтоб отец вернулся поскорей.

В дом родной живой и невредимый,
Иль хотя бы с раной небольшой.
Вот такой печальною картиной
В памяти остался час лихой.

Позже в треугольниках бумажных
Почтальон нам вести приносил.
Табачку, сухариков домашних
В письмах иногда отец просил.

Эти просьбы свято исполнялись
Матерью и старшею сестрой,
Бережно подарки собирались
Обсуждался путь неблизкий, непростой.

И для взрослого

в военный лагерь строгий
С котомкой тяжёлой за спиной.
Не прямой наезженной дорогой,
Без дорог завьюженных зимой.

Сельской средней школы ученица,
Девочка четырнадцати лет,
Малых деток старшая сестрица
Шла в годину тяжких бед.

На подводе счастливо попутной,
А всё больше на своих двоих,
Шла к бойцам, чтоб радостью минутной
Поддержать защитников своих.

Передать домашние подарки
И обнять родимого отца.
Поклониться в ноги без утайки
Всем мобилизованным бойцам.

Передать наказы от народа
Гнать фашистов из страны родной.
Кровью обретённая свобода
Пусть вас вдохновит на правый бой.

И отец был горд за дочь родную
Русской чести верный идеал.
За любовь её к отцу большую
В шутку «декабристкой» называл.

В лагерях формировались роты,
Взводы, батальоны и полки –
Все подразделения пехоты,
Что «полей царицей» нарекли.

Глава 2

Фронт, передовая, бой под Ржевом,
Снег колючий с градом из свинца.
В грудь удар, и всё в тумане белом,
Снежный саван повязал бойца.

Бой затих под вечер, на закате.

Улеглась метель. В бреду стонал солдат.
Санитаром в белом маскахалате
Был доставлен воин в медсанбат.

Госпиталь родного Ярославля,
Врач извлёк из лёгких девять грамм
Серого смертельного металла,
Передал на память сыновьям.

В госпитале доброе питанье,
Да и дом родной рукой подать
Сорок километров. На свиданье
Часто ездила к отцу солдатка-мать.

Рана рубцевалась у солдата.
Труд врачей и доброты настрой
Сделали своё. И вот, прощай, палата!
Воин вновь встаёт в солдатский строй.

Пересыпочные пункты, гарнизоны,
Переходы строем, марш-брюски,
Поезда, товарные вагоны,
Малых полустанков туники.

Воинская часть теперь другая,
Новый номер почты полевой
И товарищей семья иная
У солдата в жизни боевой.

Неизменной у бойца осталась
Серая солдатская шинель.
Та, что всесезонно выдавалась
В летний зной и зимнюю метель.

Рукава под голову – подушка.
Полы – под себя и на себя.
Добрая, как мать, шинель-подружка.
Так любовно звал солдат тебя.

И ющий один предмет житейский
Был любим средь горя и тревог.
Друг привалов – котелок армейский,
Верный спутник фронтовых дорог.

Глава 3

... Ранен был отец осколком в ногу
В затяжных боях за Ленинград.
И опять в тревожную дорогу
Проводил солдата медсанбат.

Киров. Госпиталь. Осколок мины
У бойца из раны извлечён.
И по всем законам медицины
Госпитальный срок определён.

Извещал, что жив и ранен снова,
Но легко и боль уж позади,
Да вот первого раненья пулеметного
Боль жива в прострелянной груди.

О семье просил сообщать подробно
Как с одеждой, с обувью, с едой,
Хоть при этом знал он, безусловно,
Как нелёгок быть семье родной.

И отцу ответы приходили
От семьи с неправдою святой,
Что мы сыты и одеты были.
«Возвращайся к нам с войны живой».

Правду горькую до срока не писали
Про друзей, погибших на войне,
И про тех, что без вести пропали,
Что сгорели в танковой броне.

Глава 5

... Где ж отец наш? После двух ранений
Из стрелков переведён в обоз.
Первое ранение, вне сомнений,
Знать давало о себе всерьёз.

Зарубцованная рана обострялась,
Вызывала кашель болевой.
В санитарной части предлагалось
В госпиталь ложиться полевой.

В госпитале рана заживала,
Кашель постепенно утихал.
Медицина тело исцеляла,
Душу сон и отдых согревал.

.....
А сейчас у вас, читатель скромный,
Малого терпения прошу.
И портрет отца строкой обзорной
Я чуть поподробней опишу.

Средний рост, завидное сложенье
Форм мужских, огонь лучистых глаз,
Стройный стан – Творца благоволенье,
Вид приятный в профиль и анфас.

В молодости пылкой горделивой,
Когда каждый бравый молоц
Мерялся с другим завидной силой,
В состязанья не вступал отец.

Силой молодецкой не гордился,
А к ремёслам интерес имел,
Тайну мастерства познать стремился,
И в стремлении этом преуспел.

Светлой памятью встает перед глазами
Мильтя сердцу деревенский дом.
Зимний вечер. Наш отец с друзьями
Вслух читают книгу «Тихий Дон».

Кончив чтение, важно обсуждают
Жизнь привольную донского казака.
Знать недаром в песнях прославляют
Удаль Разина и доблесть Ермака..

До войны бухгалтерское дело
Наш отец в короткий век постиг.
В молодости ремеслом умело
Овладел, был знатный обувщик.

Помню, как старательно и ловко,
Он сапожки детские нам шил.
Радость доставляла нам обновка,
Детской гордостью подарок был.

Скоро медики отцовской койке
Подходили вежливо узнать:
Можно ли каблук подбит или набойки
У сапожек женских затачать.

Потеснясь, в хозблоке отводили
Светлый и уютный уголок.
И невесть откуда находили
Нож сапожный, гвозди, молоток.

Дело спорится в руках умелых,
Ремесло не резало плеча.
Строгий персонал в халатах белых
Обувного приобрёл врача.

Глава 7

Где ж отец наш? После излеченья
По приказу, а приказ – закон,
Был направлен в спецподразделение,
В сводный, но особый батальон.

Батальон особым назывался
По решению военспецов.
И состав его формировался
Из бывалых опытных бойцов.

Тех, кто удаль русскую, отвагу
С самосохранением сочетал.
Строго выполняя долг, присягу,
На показ под пули не вставал.

И комбатом фронтовик бывалый
В воинскую часть определён.
Он в боях под Ригой и Либавой
Орденом геройским награждён.

.....
Воинская дружба – дар бесценный,
В чём-то имитирует семью.
Друг в походе твой напарник верный,
Он, как брат родной, тебе в бою.

И отец наш дружбою мужскою
Был не обделён и дорожил.
С хитрыми, недобрьими душою
Знаться не хотел и не дружил.

К посвисту свинца привыкнуть можно,
Посвист пули смелых не страшит,
Но в душе у каждого тревожно,
Даже храбрый жизнью дорожит.

В гибельном кошмарном переплете
Оказался сводный батальон.
От снарядов фронтовой пехоте
Не укрыться – ад со всех сторон...

Взрывом от тяжёлого снаряда
Стал воронкой трёхнатактный дот.
Страшным сновиденьем, мукой ада
Виделся смертельный эпизод.

В этом доте рядом с другом верным
Был в укрытии наш родной отец.
Гибель не мучительна, мгновенна.
Память вечную воздай ему Творец!

Треть солдат. Страдальцы века.
Помним ваши ратные дела.
Память о героях Кёнигсберга
Будет незабвена и светла!

Надежда
Власова

Уходили, не скрипнув дверью,
Чуть за окнами встал рассвет...
Жизнь свою правдой мерили
В те неполных семнадцать лет.

Позабыты футбол и книжки,
В жизнь уверовав горячо,
На войну уходили мальчишки,
Вещмешок унося за плечом.

«Весь в отца - такой же упрямый!»
Как хотелось ей не пустить...
«Ты не плачь... Я мужчина, мама.
Я солдат. Я должен идти...»

А земля стонала от гуда.
А трава - в крови, не в росе...
Ей не верилось, что «оттуда»
Суждено вернуться не всем.

Мне до боли понятно это!
Хоть не хватит ни боли, ни слёз,
Вдруг постичь, что далёко где-то
Он лежит средь полесских берёз...

Мир пришёл, и ушли тревоги.
Вновь поёт и цветёт весна...
Но ещё поколениям многим
Будет помниться та война.

Вновь её пророчат, я знаю,
Этот мир безумных страстей!
Болью всех матерей заклинаю:
Руки прочь от наших детей!

Память

Где ранние росы светлы и чисты,
Под медью осин опалённых,
Где ветер летает, срываю листы
С пронзительно жёлтого клёна,
Где ельник, да поле, бескрайний простор
Стерни, побелённой морозом,
Над маленькой речкой кругой косогор.
На том косогоре – берёзы.
Ещё они были хрупки и юны,
Едва до плеча доходили,
Когда, уходя в неизвестность войны,
Три друга их здесь посадили.
Осенние ливни по веткам нагим
Хлестали, ручьями струились...
Однажды под вечер один за другим
Лишь двое домой возвратились.
Война миновала, промчались года.
Шумят над рекою берёзы...
Наверное, им никогда-никогда
Не выплакать светлые слёзы.

Фото В.Васильева

Нерехтчаночки

Здесь не рвались ни бомбы, ни снаряды,
Наш городок не тронула война.
В саду, за старой каменной оградой
И день, и ночь стояла тишина.

Ушли мужчины, у родных порогов
Оставив жён, детей и матерей...
А те от всех тайком молили Бога,
Чтобы живой вернулся поскорей.

Они ещё не ведали вначале,
Что им придётся очень долго ждать.
Смотрели на дорогу и молчали,
Потом привыкли молча горевать...

Все ждали писем, плакали в сторонке
И шли домой с надеждою опять...
А как они встречали похоронки!..
И нынче это страшно вспоминать.

И в сердце боль жила, не уходила,
Сжигала, отбрав покой и сон...
И всё затмила, вспыхнув с новой силой:
К нам прибыл санитарный эшелон.

Их привезли слепых и обожжённых,
Без ног или с разбитой головой,
А иногда от смерти воскрешённых,
Безжалостной бульжной мостовой...

Тогда оставил школу и работу,
И помня, что любимые вдали,
И там вот так же их жалеет кто-то,
Они работать в госпиталь пришли.

Бинты стирали, мыли, убирали,
Брались за всё с покорностью святой.
Бывало, что из мёртвых воскрешали
Свою бесконечной добротой.

Для раненых с любимыми в разлуке
Так медленно порой тянулись дни...
Но только прикасались ваши руки,
И снова в верность верили они.

И до сих пор, о прошлом вспоминая,
Когда вдруг о войне заговорим,
Пред вами низко головы склоняем
И вас за всё, за всё благодарим.

Фото В.Васильева

Анна Васильевна Сизова

(Бывшая медицинская сестра
школы №3)

Перчатки-краги для бойца

Тебе, родная, посвящаю
Заветный слог моей души.
Ведь сколько вынести смогла ты,
Росестница той злой войны?

Война тянулась очень долго.
Тех грозных лет страшнее нет.
А ты, моя родная мама,
Молясь, трудилась для побед.

Твой муж, любовник сладострастный,
На той войне крушил врага.
А ты в тылу с ордою детской
Вязала краги для бойца.

Отцу и тем ребятам тоже,
Что проливали кровь рекой,
Чтоб руки их не замерзали,
Живыми чтоб пришли домой.

Ты всё вязала и вязала
Перчатки-краги – пальца два,
А дальше варежкой вязала,
Чтобы не мёрзла в них рука.

И изнурительно крутила
Овечью шерсть в ночной тиши,
По почте краги отсыпала
На малые свои гроши.

**Валентина
Назарова**

А лет нам было, по семнадцать –
Девчонкам, тех военных лет,
Хотелось жить, любить, смеяться,
Встречать с любимыми рассвет.
Но этот, сорок первый, страшный –
Окрашен в багрянец войны,
Ведь поселилась юность наша
В окопах мёрзлых, под Москвой.
Траншеи – ледяной могилой,
Атака в лоб во всей красе.
Шифровка рацией застылой
С Волоколамского шоссе.
Всё это было в сорок первом –
Аэростаты над Москвой,
Струной натянутые нервы,
И жгучий страх, и первый бой.
И танки с белыми крестами
Утюжили кровавый снег...
Но знали мы – Москва за нами,
Назад дороги просто нет....
Но вой зенитных установок,
Но заградительный огонь –
Смешалось всё: и плач девчонок,
И чья-то кровь, и чья-то боль.

Рассказ разведчицы
Посвящается нерехтчанке, учительнице литературы второй школы,
Майоровой
Евфалии Николаевне.

Удар! Кругом столпотворенье!
«Ах, мама, ставь за нас свечу...»
И первое моё раненье,
«Как больно, Господи...» - шепчу.
Лицо кровавой, липкой маской
И не понять, где кровь, где пот.
А доктор, словно дарит ласку –
«Терпи, до свадьбы заживёт!»
Но в час короткой передышки,
Под жёлтым пламенем свечи,
Сестрёнкам младшим и братишкам,
Писали письма мы в ночи.
Ведь дома мамочка родная,
Всё ждёт от доченьки письма,
Её молитвами, я знаю,
На той войне я спасена.
Не верьте тем, кто бравым слогом,
Рассказывает про войну –
Там смерть, и кровь, и горя много,
И страшно даже в тишину.
Там красный лёд в Оке кружился,
Там рваных ран полным-полно,
Мне часто снятся сны об этом,

Хоть и прошла война давно.
Она отметинаю чёрной,
До этих дней живёт во мне.
Нет, не к лицу война девчонкам,
Им очень страшно на войне.
Но час настал – лучистым маем,
Пришла Победа в каждый дом!
А как теперь мы поживаем,
Расскажем, как-нибудь, потом.

**Александр
Кузнецов**

Война и весна

Война! Как тяжело всем было.
У многих смерть жизнь отняла.
Их мать и Родина любили,
Как жаль, не всех уберегли.

Земля зерна просила.
Война, не сырьё осколки!
А баба голосила
По сыну у двухколки.

Её сынок любимый, единственный в роду,
С глазами голубыми. Он ранен и в бреду
Лежал, жизнь уходила. В права вступала смерть...
Какую надо силу в душе иметь и твердь.

Весна любви просила и мира у людей,
А смерть всё уносила и взрослых, и детей..
Ей было, видно, мало, она всё не наелась...
Весна же любить спешила. Весне дарить хотелось...

Вот так идут друг с другом почти одной дорогой.
Одна приносит счастье, другая – боль, тревогу.
И дай бы бог подольше их не сошлись дороги,
А то заплачут жёны, прощаясь на пороге.

Опять осиротеют и отчий дом, и долы,
Детишки озорные попрячутся в подолы.
Им невдомёк, что папы уходят на войну,
Чтоб защитить очаг свой и вместе с ним страну.

Я солдат

Извини, что я жил не в Сокольниках,
Не в отставке отец-генерал.
За бои меня представьте к полковнику,
На войне хорошо воевал.

Трижды раненый, дважды осужденный,
Прокатился по мне трибунал.
В штрафники я попал незаслуженно,
Но достойно и там воевал.

За ранение дисбат отменили,
А от смерти Господь меня спас.
Хорошо, видно, в детстве крестили,
Что я жив до сих пор и сейчас.

Воевал и за спины не прятался,
А трудился до поту с лица.
Как хотелось при чине посвататься
К той девчонке, что ждёт молодца.

Всё жалею, что так получилось,
Я без звёзд, не полковник седой.
И девчонка со званием смирилась,
Ей по сердцу живой рядовой.

Извини, я родился не в Сокольниках,
Не в отставке отец-генерал.
Если честно, не надо полковника:
За любовь я тогда воевал.

Страницы памяти

Листая часто памяти страницы,
Мы снова вспоминаем времена,
Когда фашисты перешли границу,
И началась Великая война.

На поле боя кровь лилась рекою.
Рвались снаряды, плавился металл,
И воин наш был истинным героям,
Во имя жизни подвиг совершал.

Нет, не забыть окопы Сталинграда!
Здесь каждый метр, клочок родной земли,
Овеян славой каждого солдата,
Что от врага свой город сберегли.

И проявляя свой характер русский,
Они стояли насмерть до конца.
В сраженьях под Москвой или под Курском
Был крепким дух отважного бойца.

О, как хотели запугать нас немцы,
Устраивали всюду лагеря:
Треблинку, Заксенхаузен, Освенцим...
В печах уничтожали, не щадя...

Да, это было преступленье века,
Кто выжил, не забудет никогда
Кромешный ад, страданья человека
И столько жертв, горевших без следа.

Как тяжело лечить былые раны,
Что нанесла военная пора.
Вам кланяется в пояс, ветераны,
Вся наша необъятная страна!

И подвиги отцов и наших дедов
В нас пробуждают гордость вновь и вновь.
Спасибо вам, родные, за победу,
За искреннюю к Родине любовь!

Война

Война. Какое слово страшное пронзило
Вдруг тишину, как будто гром с утра.
И леденящим холодом в сердцах застыло...
Тоска на сердце – в бой иди пора.

И поднялась страна, великая, большая,
С решимостью пошла на смертный бой,
Чтоб оккупантов всех прогнать с родного края
И победить врага любой ценой.

На поле боя, и в тылу, и в медсанбатах
Стояли мощной крепкою стеной
С одной лишь мыслью: «Всё для фронта!
Не отступай, Россия за спиной!»

Кто это испытал, тот знает жизни цену.
Всё мелкое отступит вдруг назад.
Людская доброта, решимость, стойкость, вера
Сплочённость душ, блокадный Ленинград.

О, сколько горя испытать пришлось России,
Как много понесла она утрат.
Какая боль гнетёт: не дождалась мать сына,
Так много не пришло с войны солдат.

И претерпев душой болезненные раны,
Ценою тысяч жизней победив,
Живая память есть – герои-ветераны.
Но их так мало, кто остался жив.

Татьяна
Вагнерова

Моя Россия

Многострадальная Россия,
Ты столько испытала бед!
Как ты всё это выносила?
Наградой был восторг побед!
Но те, погибшие солдаты, -
Нам боль в сердцах на много лет,
Невосполнимая утрата.
Им память светлая навек!

Фото В.Васильева

Александр
Волков

Семейная победа

Ушли на фронт три брата и сестра.
Подолгу писем часто не писали,
И губы мамы с раннего утра
Перед иконой что-то всё шептали.
Парнишка на печи уже не спал,
Прислушиваясь к слёзным просьбам к Богу.
Учеником он нынче в школе стал,
Пора была идти с дружком в дорогу.
Сестра да он остались у семьи.
А мать за всех работала в колхозе,
Когда весною пели соловьи
Или зимой при злом в снегах морозе.
Боялась мать за слабого отца,
Чтоб и его в тот год на фронт не взяли.
Болел отец, и его лица
Из-за экземы все не узнавали.
Но и отец работал, сколько мог:
Учил на стройках хмурых пленных немцев,
Был для врагов вчерашних в меру строг,
Держал в руках берлинцев, саксов, венцев.
В деревню он нечасто приходил
И то за тем, чтобы сменить бельишко.
Сынка на печке ночью не будил,
Жалел душой последыша-парнишку.
С собой он брал нарубленный табак,
Горбушку хлеба с деревянной полки,
На плечи сшитый матерью рюкзак

Воодружал, забыв в стене иголки.
До Ярославля путь не так далёк,
Опаздывать считалось преступлением,
А посему – явись из дома в срок
За день един – святое воскресенье!
Четвёртый год уже идёт война...
Свела в могилу многих доля злая.
Хворала мать, она с весны больна,
Душой скорбя за сына Николая.
Пропал старший. О нём ни строчки нет.
Молчат и те, кто должен знать о сыне.
Давно он с Финской в дом прислал привет,
И нет о нём ни весточки доныне.
И только в год желанных перемен,
Узнал отец, что жив сынок Колюха,
Что он попал ещё на Финской в плен
И потому ни слуха и ни духа...
В Норильске он работал ровно год,
На фронт попал поздней Московской битвы
В составе тех штрафных ужасных рот,
Но выжил ради маминой молитвы.
Второй сынок был в сорок третьем взят,
Его танкистом маршил в бой направил.
Учился сам, учил других солдат
Лихой водитель наш брательник Павел.
А третий сын на Балтику попал,
Как раз за год до радостной Победы,
Узнал, что значит лёгкий в волнах трал
И что такое мины и торпеды.
Мария, дочь, в атаках не была,
Она пекла солдатам нашим хлебы.
А если бы девчонка не пекла,
То День Победы ближе б мая не был.
Их никого уж нет теперь в живых.
Лишь мы с сестрой, кто пороху не нюхал.
Приходим в храм, чтоб помянуть родных:
Сергея, Павла, Машу и Колюху.

Евгения
Ревакова

Военный эшелон

Зима. Чуть стелется позёмка,
В холодных бликах лунный свет дрожит,
В шубеике старенькой мальчонка
Лесной тропинкой в поздний час бежит.

А сердце знать даёт воочью:
«Успеть бы только, только бы успеть,
Никак не должен этой ночью
Дотла военный эшелон сгореть!»

В теплушке машиниста тихо,
Лишь дышит топка жаром и огнём,
Ничто не предвещает лиха,
Рассвет спешит за утренним лучом.

В тревожном беге звёзды гаснут,
Луна скользит задумчивым пятном,
Дым стелется искрою красной,
И близится дороги полотно...

Вагоны ждут в оцепененье,
К отправке раненые там и тут,
Вот-вот придёт состав в движенье,
Лишь Ваня знает, что отрезан путь!

В посёлке немцы на постое,
И где ни ступят, сеют минный спрут.
И слово самое простое:
«Спасти!» - с Ванюшкиных слетает губ.

Но что же делать? Вдоль дороги
Ребёнок тёмным пятнышком бежит
По краю снежной ленты - недотроги,
А вслед за ним морозный вихрь пуржит...

Поворот... непроходимый лес,
А за лесом минные могилы.
И в один прыжок наперерез
Бросился Ванюшка что есть силы!

Снял шапочку, на кол нацепил,
Словно факел, вверх его вздымяя,
И до боли в горле завопил:
«Мины там!» А силы покидают...

Но не дремлет в предрассветный час
Машинист, не медля, топку глушит
И, обрушив придорожный наст,
Он мальчике растирает уши!

Трёт и гладит сильною рукой,
В свой тулуп завёртывает тело,
Говорит: «Спасибо, мой родной!
Кто послал-то на такое дело?!

- Так давно уж в партизанах мы,
Мамка с Колькой да сестричка Лада.
Я за старшего в семье с зимы...
- А отец?
- Погиб под Сталинградом...

Эшелон узнал про храбреца,
Все его с улыбкою встречают.
Угощают сахаром мальца
И с победой первой поздравляют!

Время шло, стремясь за годом год,
Облаком кружилась долго слава,
Но судьбы военный поворот
Вспоминает он не для забавы!

Баллада о скрипаче

Давно уже стал днём вчерашним
Тот день, что вызнобил сполна
Сердца людей, уют домашний
Под грозным именем: «ВОЙНА».

А мы с тобой войны не знали,
Свинцовых ливней шквальный град,
Лишь деды наши вспоминали
Победный майский тот парад...

И тот рассказ, знакомый с детства,
Передо мною вновь встаёт:
Я вижу дом, где по соседству
Простой мальчишка в нём живёт.

Простой, с доверчивой улыбкой,
С румянцем лёгким на щеках.
Как утончённо пела скрипка
В умелых с малых лет руках!

Да, музыкант он был от Бога,
Родным напевом дорожил,
Но у войны своя дорога...
Орфей, не мешкая, решил:

«Я буду петь во славу мира,
Во имя радости весны,
Пусть свет надежды моя лира
Зажжёт на счастье всей страны!»

Не по плечу шинель солдата
Надел, не дрогнув, - и в поход!
На старом снимке с автоматом
В моей он памяти живёт.

Шестнадцать лет всего, не боле,
И ростом был не так велик,
Наверное, учился в школе -
Обыкновенный ученик...

В разведку он ходил без горя,
С победным ритмом на устах,
Звучала скрипка на просторе,
Смычок взлетал легко в руках.

Вот как-то раз без промедленья
Наш музыкант отправлен был,
В деревню, ближнее селенье -
Там генерал немецкий жил...

Случилось всё в далёком марте,
И таял снег уже в полях...
Дано задание: по карте
Узнать план действия в боях...

Спит немец сном глубоким, сладким,
Совсем не ведая о том,
Что полчаса, как есть, порядком
Малец орудует ключом...

И позади уже тревога,
Пакет в кармане потайном,
Осталось лишь чуть-чуть, немного -
Свернуть к тропинке за ручьём...

Судьба неласково вздохнула,
Запела жалобно струна,
И дрогнул взгляд пред оком дула -
Патруль недвижим, как стена!

А в сердце бьёт набат НАДЕЖДА:
- Я музыкант, скрипач... А что? -
- Молчи ты, russisch schwein, невежда!
Приклад обжёг лицо, плечо...

Под пыткой вражеского слова
Герой молчал, молчал талант!
Твердил настойчиво и снова:
«Я музыкант, я музыкант!»

- Тогда Германии во славу
Играй, российский мальчуган!
Победу нам! Что? Не по нраву?
Зловеще взвёл курок наган...

На казнь измученный мальчишка
Шагал, ступая в вязкий снег,
Как недочитанная книшка,
Чтоб стать легендою навек...

Текут мучительно минуты.
Ах, как последний путь не прост!
И в завершении маршрута
Мальчишка чётко видят: мост!

Собрав в комок остаток силы
Сказал: «Хочу для вас играть!
Уж раз дошёл я до могилы,
Со скрипкой буду умирать!»

А на мосту машин движенье:
Орудий, танков, стук колёс...
И взлёт смычка в одно мгновенье
Заставил струны петь до слёз!

Играла скрипка, стон роняя,
Земля дрожала ей в ответ.
И, рухнул мост, вниз увлекая,
Весь вражий боевой комплект.

Всё поле пламенем объято,
За взрывом взрыв, как гром гремел,
А тело юного солдата -
Без жизни, белое, как мел...

Застыл смычок, замолкли струны,
Передо мною лишь портрет,
А музыкант остался юным,
Ему всего шестнадцать лет!

Шли в бой безусые солдаты,
Чтоб защищать покой земной,
И память грозных дней раскаты
Победу празднуют весной!

Блестят на солнце обелиски,
Омыты вешнею водой,
И нет другой на свете мысли,
Что быть Победе молодой!

Из воспоминаний о войне...

Этот вальс весь из тонкого ситца
Белым облаком плыл над рекой.
До сих пор не устанет кружиться
Прошлой юности бал выпускной.

Самый близкий, родной и далёкий,
До рассвета ликующий вальс,
И записок короткие строки,
И сиянье восторженных глаз...

Звёзд мерцания свет осторожный,
Лунный блеск, отходящий ко сну,
Репродуктора голос тревожный
И рассвет, объявивший войну.

Город полнится вестью нежданной,
Всюду стонущий ропот людской,
А разлука, как гость нежеланный,
На пороге пред каждой семьёй...

Привокзальная площадь, прощанье,
На платформах военные в ряд.
В гуле тонут слова: «До свиданья,
Буду ждать, возвращайся, солдат!»

- Нет, постой, подожди хоть немножко!,-
Безутешны от горя глаза,
Губы шепчут: «Прощай, мой Алёшка»,
По щеке покатилась слеза...

- Ах, Наташенька, что ты, родная,
Слёз не надо, а ну, улыбнись!
Я вернусь, я тебе обещаю,
Только ты меня, слышишь, дождись!!!

- По вагонам! – как эха раскаты
Над толпой, словно вихрь, пронеслись...
Так на фронт уезжали солдаты,
Так военные дни начались...

Алексей
Софын

Нестираемое

С раскольным громом сорок первый
Ворвался смертью в эту жизнь,
Проплавил сталью наши нервы,
Разбив всё начатое вдребезги.

Сплотил разрозненные души,
Смакнув суворовою рукой
На самой большой части суши
Уж устоявшийся покой.

Развёл на зоны «ЗА» и «Перед»,
Напряг все силы у черты,-
Лишь удержались мы на вере
В победу, Бога и святых!

Глотали горечь слёз утраты,
Гасили боль в своих сердцах,
Теряя батю, сына, брата,
Не веря в это до конца.

Блокаду твёрдо отстояли,
Отдав последнее сполна!
Победой жизни разменяли
И молодёжь, и старина.

Сжимая нить живой надежды,
Тянули бремя своих дней,
В поизносившейся одежде
Держали тыл в родной стране,

Всё приближая тот последний
Заветный и победный год,
Пройдя сквозь ужас пятилетний
Испытаний, горя и невзгод.

Скрипя зубами, всё стерпели –
Скорей бы кончилась война!
Неужто в солнечной капели
Почти растаяла она?

Пропала в первых числах мая,
Черкнув на судьбах чёрный шар?

И вот, черёмухой дурманя,
Восстал Победы-Ники храм!

Рвались нарывом в сорок пятом
И сжатый волль, и счастья стон,
Свободы в горле ком подкатан,
Поддержан, вознесён Христом.

В расчищенное солнцем небо
Порыв ликующих сердец.
Сменилась былью злая небыль –
Настал слепой войне конец!

Вздохнул, вдохнул весенний воздух,
Расправил спины наш народ
И жизни новые борозды,
Врезая, двинулся вперёд:

Исполнить помыслов стремления
Подальше от кровавых дней,
Растить младое поколение
В святой и спасшей мир стране.

Калерия Похлебалова

Братья Егорычевы

*«Нет в России семьи такой,
Где бы не памятен был свой герой,
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят.
Этот взгляд словно высший суд...»*

Есть русские народные сказки, которые начинаются так: «Было у отца три сына...». Только у нас – не сказка, а неприкрашенная быль. Братья Егорычевы – родные братья моей мамы. В моём рассказе нет ни слова вымысла – всё это происходило на самом деле. Факты из детства и юности моих дядей сохранились в моей памяти по рассказам мамы. Низкий поклон всем, кто защитил нашу Родину.

ВАСИЛИЙ, старший, синеглазый (как василёк в поле), светлые кудри, отливающие золотом, озорной, весёлый, атаман деревенских мальчишек, он был совсем не похож на своих темноволосых и кареглазых братьев и сестёр не только внешностью, но и характером...

Пропала ли берданка у сторожа колхозного сада (её потом обнаружили привязанной к яблоне) или входная дверь у вредной бабки, которую на деревне звали колдуньей, оказалась припёртой, или... Да частенько Васята наказывал строгий отец, но бывало, что и понапрасну. Как-то раз мать послала его в лавку за нитками. Пришёл он в этот сельский «супермаркет» и говорит продавцу: «Афоня, дай мне чёрных ниток, мамка велела...» Надо было видеть разъярённое лицо продавца, когда он заорал на мальца: «Что-о-о? ...Да я тебя...». С этими словами продавец выскочил из-за прилавка. Сообразительный Васята понял, что ему надо побыстрее удирать... Мать выслушала рассказ сына и объяснила ему, что настоящее имя продавца - Степан, а Афоня – прозвище, поэтому он и рассвирепел. На сей раз отец просто покурил несмышеного покупателя, а потом этот случай долгое время в семье и в деревне вспоминали как анекдот...

Время шло, Василий взрослел, с годами становился серьёзнее. Пришло время идти на службу в Красную Армию. Служил он пограничником в Брестской крепости. К радостному удивлению всей семьи, служил хорошо, был отличником боевой и политической подготовки, за что родителям приходили благодарственные письма от командира части. И закончил службу Василий в июне 1941 года и уже должен был вернуться домой, да не вернулся, не пришлось: началась война...

Больше года о Василии не было ни слуху, ни духу, затем пришло нерадостное известие, что Василий Михайлович Егорычев пропал без вести в первые же дни войны...

НИКОЛАЙ, средний. Завистники называли его счастливчиком, мол, не пришлось воевать. Действительно, эшелон, в котором Николай был отправлен на фронт, разбомбили немцы. По рассказам

Николая, многие новобранцы погибли тогда, не доехав до фронта, ещё больше было раненых - пикирующие бомбардировщики на бреющем полёте в упор расстреливали беспомощных солдат. И он был ранен, провалился три месяца в госпитале, а потом его комиссовали как непригодного к военной службе – правая рука, хоть и осталась цела, но не действовала – висела, как плеть.

ФЁДОР, младший из братьев, крепыш, обладавший большой физической силой и «хорошист» в школе. Особенно легко ему давались точные науки – математика и физика, за что в школе его называли «знаменитым математиком». Школа находилась за несколько километров от дома, и каждый раз, возвращаясь домой, проголодавшийся Фёдор, едва перекинув ногу через порог, громко кричал: «Мама, есть хочу!» И мать старалась поскорее накормить его, спешила достать горячие щи из русской печи... В июне 1941 года Фёдор закончил десятилетку и осенью того же года, в неполные восемнадцать лет, получил повестку и ушёл на фронт. Автоматчик «первый номер», а это значит, что в атакующей цепи он всегда должен был быть первым и всегда был им. Фёдор «всем смертям назло» прошагал свой нелёгкий путь от Москвы до Берлина, был ранен и вернулся с победой домой в д. Вежино Нерехтского р-на Костромской области. Вот только его заветная мечта – встретить на фронте брата Василия - не сбылась. Василий так и пропал без вести.

*Деревни Вежино, откуда братья родом,
Её давно уже на карте нет.
Всё гуще зарастает лесом с каждым годом...
Уходит в вечность память прошлых лет...
И всё же хочется, чтоб помнили потомки,
Чтобы гордились подвигом солдат,
Чтобы умели говорить негромко
О той земле, где предки их лежат.*

На этой фотографии, снятой в Берлине 9 МАЯ 1945 года,
Фёдор Михайлович Егорычев – слева.

Александр Задоров, ученик 11 класса, школы № 3 Нерехты. Как в Нерехте, так и в Костроме он покорил жюри на конкурсе чтецов 2015 года, читая своё собственное стихотворение, и занял первое место в своей возрастной группе.

Войну выигрывал народ...
Не командиры, генералы,
Не боевые адмиралы,
Не политические станы –
Войну выигрывал народ!

Куда стремишься ты, река,
Перебирая волны-струны?
Какую песню сквозь века
Несёт нам снова ветер юный?
Куда стремишься ты, река?

Так важно вехи исчисляя,
Как океан или ручей,
Была ты добрая и злая,
Вела татар и москвичей,
Так важно вехи исчисляя.

Ты, верно, помнишь и о том,
Как, бороздя твои просторы,
Советских войск лихой напор
Снес непокорных фрицев своры.
Ты точно помнишь и о том...

Та правда алая была
От крови, лившейся безмерно.
Напиток сей земля пила,
Из туч вода не шла, шла сера.
Река, кровавой ты была!

Так долго немец наступал,
Сминая всё под сапогами,
Мольбы и просьб он не слыхал,
Жестоко расправляясь с нами.
Да, долго немец наступал.

Но правда ведь ещё и в том,
Что русичи собирались с силой
И вместе в натиске одном
Откинули врага всем миром.
Бессспорно, истина есть в том.

Конечно, было всё непросто,
Ушли отцы и сыновья,
И слёзы, словно капли воска,
Из глаз – как со свечи струя...
Да, было всё непросто.

Им пострадать пришлось немало,
Ведь Гитлер ненасытным был.
В конце концов, фашисты пали,
А фюрер сам себя убил...
Но пострадать пришлось немало...

Те реки крови, страх и боль –
Не вымысел, к несчастью, правда.
Но уловите песни «соль»:
У нас возможность есть жить завтра(!)
Но реки крови! Страх и боль!

И всё ж не зря на поле гибли
Мужи, и дети, и деды,
Чтоб мы сейчас свободно жили
И подвиг помнили войны!
Не зря на поле боя гибли...

Победу вырвал у фашистов
Обыкновенный человек.
Другого он не видел смысла,
Как защитить страну от бед
Победу вырвать у фашистов.

Войну выигрывал народ...
Не командиры, генералы,
Не боевые адмиралы,
Не политические станы –
Войну выигрывал народ!

**Альбина
Павлова**

Память сердца

Солнце льёт потоки света,
Земля его теплом согрета.
Триумф весны – весёлый май,
Радостный и грустный май...

Постою у обелиска
И положу тебе букет.
Ты словно рядом, но не близко —
Был отец, а в жизни нет.

От тебя - лишь фото в раме,
А где пропал, сказала мама.
Я осознала очень рано,
Как тебя нам не хватало.

Год прошёл, встречаем снова
Наш главный праздник, тот, который
Идет к нам «с песней на устах,
Со слезами на глазах».

Сколько лет тех ни проходит,
Из сердца память не уходит.
Нам помнить вас: всех и всегда,
И так – на вечные годы!

С Днём Победы! Песня

В сорок первом грянула война,
Смерчом по стране неслась она,
Вламываясь в каждый мирный дом,
Оставляя чёрный след на всём.

Вторглась она в нашу тишину,
Злясь на то и видя в том вину,
Что у нас дороги подлинней,
Небеса, которых нет синей.

И отправились на смертный бой
С общею тогда большой бедой
Озорные парни и отцы,
Милые девчонки и юнцы.

Нерехтане тоже на фронтах
Отличались яростью атак,
Имена история хранит,
Молодое поколенье чтит.

Семьдесят прошло уж долгих лет,
Город в зелень майскую одет,
С Днём Победы вас, слова летят,
Ветеран, и школьник, и солдат!

**Anatolij
Зубов**

О пропавших без вести

Где могилки ваши, дорогие наши?
Где же затерялись, у каких полей?
У лесов дремучих или среди пашен
Вы, родные наши, Василий и Сергей?

На родной сторонке ждут вас две сестрёнки,
А на фронте боятся братья и отец.
Мать живёт надеждой, что они вернутся,
И придёт победа, а войне – конец...

Знатный был работник старший сын Серёга,
А танкист Василий – первый гармонист.
Не вернулись оба к милому порогу,
Похоронок нет, лишь о пропавших - лист.

Годы пробежали, а их долго ждали.
Умерли солдаты, что пришли с войны.
Он свои медали беречь нам завещали,
Мы же, дети, внуки, помнить их должны.

И поют в деревне им поминовенье,
Песни распевает в роще соловей.
И пока мы живы, нет и вам забвенья,
Дорогие дяди, Василий и Сергей!

Наталья Кузмина

Маруся

Памяти моей мамы Марии Яковлевны и всем женщинам, в тылу помогавшим фронту в годы войны...

Начался 1919 год, второй после революции. В маленьком селе в семье крестьянина Якова Платоновича родилась Маруся, тринадцатый ребёнок. Её маме Авдотье Павловне не удавалось уделять дочке достаточного внимания, и её нянчили старшие сёстры. Особенно заботилась Клавдия, серьёзная рассудительная девочка с прекрасными косами до пояса, которым Маруся всегда тайно завидовала, т.к. её пышные, но очень тонкие волосы заплетались лишь в хвостики. Маруся ощущала себя вполне счастливой: голод ещё не сумел проникнуть в сёла, т.к. у каждого усердного труженика был свой клочок земли, лошадь, корова и прочая живность.

Яков Платонович, черный, как греч, от природы и постоянного пребывания на солнце, был беспокоен, быстр, как ртуть, но крепок, жилист и охоч до работы. Летом вставал до рассвета и уезжал в поле. Его младшие дети ходили в лес по грибы, ягоды, орехи, купались в маленькой шустрой речке. Старшие купались в очень глубоком и страшно холодном омуте, в верховьях которого работала мельница. Вообще село было очень красивым: посреди него стояла белая небольшая, но удивительно изящная, как бы взлетающая ввысь, церковь. Невдалеке от церкви лежал огромный камень. Откуда он взялся, никто в селе не помнил. На нём летом ребятишки грелись после купания в реке. Село раскинулось на высоком взгорье, из окон домов открывался чудесный вид: лес, густо засеянные поля гречихи, овса, рожи, льна.

Но беззаботное детство закончилось, и Маруся пошла в школу. Училась она с удовольствием и, закончив семилетку, поступила в культпросветтехникум. Одним из её преподавателей был Алексей Андреевич Репин (он, кстати, учил и меня, но уже в 1-й средней школе Нерехты). Окончив техникум, Маруся поступила на учительские курсы, а затем уехала учительствовать по направлению в Пошехонье-Вологодское. Как-то встретят её в чужом селе? Собиралась отработать положенный срок, а затем вернуться в Нерехту и выйти замуж за белокурого гармониста Мишу. Но не суждено. Началась война. К тому моменту он был лейтенантом, а его часть сразу отправили на передовую. Красавца Мишу убили в первый же год войны.

Рушились мечты, а военные сводки всё больше нагнетали тревогу. Маруся вернулась в Нерехту и сразу пошла в военкомат. Но на фронт её не взяли, сказав, что и здесь дел достаточно. Девушка очень уважала своего старшего брата Ивана, а он сейчас сражался с фашистами на Западном фронте, был командиром. Его письма были короткими и редкими, но полны тревоги за всю семью.

Маруся устроилась работать в партийную библиотеку. Смышлённую активную девушку заметили и предложили подать заявление в партию. Она знала, что коммунистам поручают самые трудные участки работы, и подала заявление. Её приняли несмотря на то, что другой её брат Александр был противником советской власти, за это был репрессирован и отбывал срок на строительстве Рыбинского водохранилища. Мария навещала его и была shockирована условиями жизни и тяжёлой работы. Александр не смог

выдержать жестокое испытание, вскоре заболел и умер. Отец Яков Платонович ненавидел Сталина, т.к. в период коллективизации у них отобрали красавицу лошадь Зорьку и корову Милку, которых в дальнейшем быстро загубили на общем колхозном дворе.

- Рябой черт, - ругался он.

- Тише, отец! - умоляла Авдотья Павловна. - Погубишь себя и всех нас!

Но, к счастью, на старика уже никто не обращал внимания.

Через месяц Марию вызвал первый секретарь горкома партии Молдаванов, долго ходил по кабинету, присматриваясь к молодой коммунистке. Маруся была здоровой, краснощёкой, быстрой в движениях, улыбчивой и очень открытой людям. Наконец, он произнёс:

- Поручаем Вам очень важный участок, это командировки по сёлам с целью убедить крестьян отдать часть продовольствия на нужды фронта. Придётся ходить пешком в лютый холод и в жару, днём и ночью, никто хлебом-солью встречать не будет, сами понимаете.

Маруся согласилась, не представляя, что её ждёт. Действительно, никакого транспорта выделить ей не могли, приходилось ходить пешком и в лютый мороз, и в метели. А добравшись до удалённого населённого пункта, Маруся собирала народ и, сообщив последние сводки по расположению на фронте, просила помочь ему продовольствием. Её призывы часто встречали угрюмым молчанием или тихим гулом: «Самим есть нечего!».

Часто после собрания замёрзшую Марусю не приглашали даже на чай. Маруся не обижалась. Сама уроженка деревни, понимала крестьян, но всем пылом своей души пыталась убедить, что без помощи тыла врага не победить.

И оттаивали сердца, ведь у многих кто-то из семьи тоже сражался на фронте. А Маруся отправлялась в обратный путь, иногда ночью. Пройдя порой тридцать километров, в Нерехту приходила только к утру. Маруся не отличалась большой смелостью и очень боялась одна в поле или в лесу, но как-то всё обходилось. Однажды безлунной августовской ночью была страшно напугана: впереди на дороге вдруг услышала шумное дыхание. Маша замерла, от страха ослабли ноги. Бежать? Кричать? Но вдруг - ржание. «Лошадь!» - обрадовалась Маруся. Но сердце ещё долго не могло успокоиться.

А худший случай произошёл зимой. Предстояла командировка в дальнее село. Зима выдалась снежная, сугробы по пояс. Мария пошла по рельсам, так легче идти. Вдруг появился поезд, посторонилась. Поезд шёл медленно, и она вскочила на подножку вагона. Но радость длилась недолго, вскоре перед ней вырос охранник с оружием:

- Как вы попали в военный состав? - спросил он. И, не дожидаясь ответа, скомандовал: - Прыгай, а то застрелю!

Посмотрев ему в глаза, Маруся поняла: застрелит! — и прыгнула. Ушла утром, а очнулась в сумерки. Сильно не обморозилась: спасли шуба и валенки, да снежком присыпало, оттерлась снегом и поплела домой, благо, недалеко уехала.

Молодой крепкий организм взял своё, да и болеть было некогда. Вернулась в строй, обходила деревни до конца войны. Но не вылеченные травмы и болезни настигли через несколько лет, когда вышла замуж и родила двух детей. Заболела повреждённая печень, начались сильнейшие кровотечения. Я уже никогда не видела маму здоровой. Но она не любила жаловаться, вырастила двух детей, доработала до пенсии. Только те, кто знал её прежней, не узнавали. Где румянец во всю щёку, где озорной смеющийся взгляд тёплых карих глаз? Всё унесла проклятая война!

«Нерехтская Лира»

(литературно-краеведческая газета)

выходит 1 раз в месяц, с января 2012 г.,
на благотворительные пожертвования читателей.

Тираж 100 экземпляров.

Подбор литературного материала осуществляется
членами литературного объединения «Лира».

Ответственный за выпуск: И.К.Лешкова.

Верстка: Межпоселенческая биб-ка им.М.Я.Диева

Распространяется через библиотеки города

Нерехты и из рук в руки.

Отзывы и корреспонденцию направлять по адресу:

г.Нерехта, ул.Ленина, д.28 "А",

Межпоселенческая библиотека им.М.Я.Диева.

Тел.: 75-3-78, 7-44-07 (И.К. Лешкова)